

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК
БАСТИОН

**Потерянный
взвод**

Потерянный взвод

Сергей Зверев

Потерянный взвод

«ЭКСМО»

2012

Зверев С. И.

Потерянный взвод / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2012 — (Потерянный взвод)

ISBN 978-5-699-58268-6

События мистического боевика начинают разворачиваться в годы войны Российской империи на Кавказе. 19 мая 1823 года пехотная рота Черданского полка спустилась в ущелье близ Ведено и бесследно исчезла. Спустя почти двести лет, в мае двухтысячного года, обороняясь от наседавших чеченских боевиков, в это же ущелье спустилась группа капитана Александра Стольников. Спасая бойцов от неминуемой гибели, Стольников приказал группе укрыться в пещере. Проплутав по темным каменным коридорам несколько часов, группа окончательно заблудилась и устроила привал. Тут-то капитан и обнаружил на стене надпись «Богъ оставилъ насъ». Бойцы еще не знали, что двухтысячный год остался... где-то далеко впереди.

ISBN 978-5-699-58268-6

© Зверев С. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
1	11
2	18
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Зверев

Потерянный взвод

Пролог

Черданский пехотный полк по традиции был построен буквой «П». Подобное построение происходило много раз, начиная с августа 1820 года, с того самого дня, когда Отдельный Грузинский корпус был переименован в Кавказский. Полк выстраивался, а полковник Лекунов, его командир, а то и сам генерал-лейтенант Ермолов вручали офицерам и солдатам награды за храбрость. Но сегодня не по причине праздника был построен полк. И не для ежедневной проверки личного состава. Беспокойство и тревога царили в полку. Два прапорщика второй и третьей роты первого батальона отправились ночью в аул Кайзеги и были там убиты. А подпоручик второй роты Курилов, что был с ними, сумел бежать из аула, оставив в доме щедрого на выпивку горца саблю. Не по приказу командира отправились эти трое в аул, а из желания раздобыть вина и провести время в веселых воспоминаниях о Петербурге. Может, и не о Петербурге, кто теперь правду узнает, ибо по всему видно было, что не в себе подпоручик. Но как бы то ни было, головы прапорщиков были брошены с коня под ноги часовому, который успел только один раз выстрелить, чем и поднял полк в ружье.

И сейчас головы прапорщиков лежали посреди плаца на накидке одного из них, и не видел полк картины печальнее за последние полгода. Что касается подпоручика, то находился он в палатке, приспособленной под гауптвахту, и дожидался своего часа, как дожидается человек, на прощение не рассчитывающий.

– Видите эти головы? – поднял голос Лекунов, нервно сыграв щекою. – То-то радость отцу и матери. Смотрите, долго и внимательно смотрите на головы эти, – вскричал полковник, – чтобы в ваших головах, от тела еще не отрубленных, мысль светилась ясная и прочная – смерть каждому, кто выйдет из крепости по своему усмотрению!..

Были бы последствия у этого события менее трагичные, и обошлось бы на том, но его превосходительство генерал-лейтенант Ермолов был уже на подъезде. И стоял полк еще два часа, ожидая и не ропща, ибо дешевле выходило страдать на солнцепеке, чем оказаться в немилости генерала.

– Полк, смирно! – вскричал Лекунов, вытягиваясь и становясь выше. – Для встречи справа, на-кра-ул!..

И окаменел Черданский полк, видя, как спешивается у самого плаца и сбрасывает запыленную накидку Ермолов.

Генерал молча принял приветствие, прошел мимо Лекунова и приблизился к месту, где лежали головы. Штабные у периметра плаца присмирели, за Ермоловым идти не решились. И только Лекунов прошел за командующим, остановился за его спиной и стал меньше, что ли. Так и замер, памятником.

Ермолов обвел полк взглядом, потер кулаком подбородок, завел руки за спину, качнулся.

– Половину каждого года я в лагерях и горах, – произнес наконец генерал. – Сплю по четыре часа, ем что придется. Славы никакой. Да и разве добудешь славу с такими воинами? Чьи это головы, полковник?

Признался Лекунов.

– Командиры второй и третьей роты, ко мне! – приказал Ермолов и снял с головы кивер, что носил вместо генеральской шляпы. – И кто тот герой, что в живых после схватки в корчме остался?

Лекунов велел привести подпоручика.

– Где же сабля твоя, русский офицер? – дрогнув лицом, чтобы скрыть оскал презрения, обратился Ермолов к подпоручику.

– Виновен, ваше превосходительство... Казните.

Шагнул Ермолов вперед и выдернул из ножен командира второй роты саблю. На плацу установилась гнетущая тишина.

– Казнить вы сами себя будете.

Ни слова не говоря более, просунул он клинок под левый эполет штабс-капитана Васильева и срезал его, как бритвой. Вставил под правый – и второй эполет упал к ногам офицера. Когда покончено было с подпоручиком Борисовым, Ермолов шагнул к поручику Туше.

– Ваше превосходительство... господин генерал... Алексей Петрович... Я с вами верой и правдой... три года...

– Не в том позор ваш, барон, что эполеты я вам срезаю при солдатах, а в том позор, что голова прапорщика вашего под вашими ногами лежит. – Генерал протянул саблю Лекунову и выдохнул: – В тыл всех троих! А ко мне – старейшин Кайзехи!

Смутное, трудное для Ермолова время было. Не хватало генерал-лейтенанту сил для гарнизонов крепостей, чтобы препятствовать горцам совершать набеги. Большой некомплект в полках был. Войск едва хватало для экспедиций против горцев. Тогда Ермолов стал просить императора усилить Грузинский корпус тремя пехотными полками и двумя артиллерийскими ротами и присоединить к корпусу 8-й егерский полк, временно находившийся в Грузии.

– А также для крепостей учредить особые гарнизонные батальоны, – просил Ермолов, перед императором стоя.

– И какова же численность их быть должна? – поинтересовался государь Александр.

– Четырнадцать тысяч человек.

Император прошел мимо Ермолова, подумал. Остановился и резко повернулся на каблуках.

– Переменить состав корпуса я не могу, ибо, прибавя к оному число полков, расстрою я устройство прочих армий, коих число и состав определены по зрелым размышлениям... Но.

Ермолов поднял голову и спокойно посмотрел на императора.

– Но усилить же Грузинский корпус предлагаю людьми из десяти полков, присланных вам отсюда, из России. Теперь по поводу прибавки в полки офицеров. Если по сему числу людей вы найдете нужным прибавить и число офицеров, то дозволяется вам на каждую роту прибавить по одному, что составит на полк прибавки двенадцати офицеров. Более дать вам я не могу. Не обессудьте, Алексей Петрович. Как там барон Туше?

– Служит, государь.

Разговор этот состоялся три года назад, за одиннадцать месяцев до переименования Грузинского корпуса в Кавказский. Все три года государь неизменно интересовался положением дел у барона, сына брата князя Трубецкого, что, бесспорно, должно было расположить Ермолова очевидными симпатиями к барону. К сожалению для князя Трубецкого, у генерал-лейтенанта Ермолова была плохая память на просьбы, если эти просьбы не были просьбами послать протееже в атаку.

Вернувшись из столицы, Ермолов на совещании говорил командирам полков:

– Для укомплектования по-новому корпуса вместо рекрутов, в которых всегда происходит чувствительная от климата потеря, назначены полки, и им дано повеление расположиться в ближайших губерниях, откуда я мог бы взять их, когда надобно. Моя просьба удовлетворена, но эта чехарда с перестановками сил и средств меня прикончит.

На усиление прибыли следующие полки: Апшеронский, Тенгинский и Навагинский пехотные, 41-й и 42-й егерские и Ширванский, Куринский и Мингрельский пехотные. 43-й и 45-й егерские из Крыма, а также легкие артиллерийские. Чтобы «избегнуть второй путь тем же войскам», Ермолову предписывалось отправить назад кадры полков, находившихся на Кавказе:

Севастопольского, Троицкого, Суздальского, Вологодского, Казанского, Белёвского пехотных, 8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го егерских.

Кавказ кишел передвигающимися в различные стороны частями в тот момент, когда чеченцы усиливали набеги на крепости.

Усиленные полки Кабардинский, Тенгинский, Навагинский и Мингрельский пехотные, 43-й и 45-й егерские должны были составить 19-ю пехотную дивизию, а полки Апшеронский, Ширванский, Куринский и Тифлисский пехотные, 41-й и 42-й егерские – 20-ю пехотную дивизию. Кавказская гренадерская бригада оставалась без изменений и лишь усиливалась людьми из гренадерских и карабинерных рот прибывших полков.

Эти события совпали с общей реорганизацией армии, связанной с созданием корпусов на постоянной основе.

Алексей Петрович не желал расставаться со старыми офицерами-кавказцами, отправляя их с кадрами в Россию. Император требовал обратного. Ермолов хитрил.

Ермолов зашагал с плаца – строй шевельнулся.

– Ну-ка, балуй!.. – глухо прохрипел войсковой старшина, и солдаты снова вытянулись в струнку.

– Как он с имя, с их благородиями-то... – шепнул стоявший рядом старый солдат, служивший при Ермолове уж пятый год. – На нашего-то брата руку Лексей Петрович не подымет...

– Как же, не подымет, – пробормотал старшина и вытер усы. – Третьего дня является и спрашивает: «А что у тебя с постами, Якунов, где расположены?» А я возьми да соври. Бо не сам ставил, кухней занят был. Так он ночью пошел и проверил самолично. Да о том я потом узнал, когда он ночью в мою палатку зашел. Слышу – свистнуло... Всыпал мне тридцать горячих нагайкой и ушел молча.

– Да врешь!..

– Истинный крест! Сам считал... Лежу – пикнуть боюсь!.. Хоть через портки, а у Ермолова рука сам знаешь, камень перешибает... И ведь утром хожу я, зад поротый рукой держу... Горит синим пламенем зад-то!.. – простонал старшина. – А он подходит и молвит как невзначай: «А денщик-то у тебя, братец, ужасная свинья. Захожу ночью в твою палатку, а он в твою постель забрался и храпит. Пришлось выпороть скотину». Подбородок кулаком потер, крикнул и ушел.

– Да ты ж не солдат, а старшина, чай, – подумав, возразил ветеран.

– За дело... Нет у меня обиды на генерала Ермолова.

Через два часа в палатку генерал-лейтенанта Ермолова Алексея Петровича ввели шестерых стариков. В ветхих, свалевшихся веритах, в застиранных, потерявших всякий цвет, с лицами, отвердевшими от ветров и дождей, они представляли бы убогое зрелище, если бы не их взгляды. Злые, упрямые, они прятали их. Одного из старейшин ввели за руки, поскольку он был от старости слеп, и его глаза ничего не выражали.

– Вы знаете, кто я? – спросил, положив руку на эфес сабли, Ермолов. Богатырского роста, с загорелым лицом, явно уступающим в уходе штабным офицерам и придворным статским советникам, Алексей Петрович сидел за столом и смотрел ясным взором.

Казачий сотник, чеченец, перевел.

Подумав для приличия, старейшины вразнобой и нехотя закивали.

– Вы хорошо меня знаете? – повторил Ермолов, и сотник перевел.

Головы старейшин вновь пришли в движение. Генерала Ермолова они хорошо знали.

– А теперь, чтобы не было недоразумений и обид, переведи им в третий раз – они *очень хорошо* меня знают?

Старейшины подтвердили, что знают Ермолова очень хорошо.

– Так вот, слушайте меня и не говорите потом, что не слышали. Сегодня ночью в вашем селении Кайзехи были обезглавлены двое русских прапорщиков. Их головы ваши абреки бросили к воротам крепости. Только головы. Но мне нужны и их тела. Ваши люди принесут их мне к трем часам пополудни. – Ермолов убрал руку с эфеса и положил ее на стол, задев бокал. Бордо вылилось на карту и мгновенно превратило окрестности в красное пятно. – Если это не случится, в четверть четвертого рота Черданского полка выйдет из крепости и двинется через Кайзехи до Ведено. По дороге я сожгу все, что горит, а что не горит, то разрушу. Вы поняли меня, нохчи?

Старейшины кивнули. Их вывели за пределы крепости и отпустили.

В четверть четвертого первая рота первого батальона Черданского пехотного полка под командованием штабс-капитана Недоспасова в боевом порядке покинула крепость Грозную и направилась на юго-восток по направлению к Ведено.

– Не проще ли было отправить туда роту Белевского полка, Алексей Петрович? – осмелился спросить командир Черданского полка Лекунов.

Ермолов повел взглядом на полковника.

– Ты радуйся, что не тебе эполеты срезал. Ты нагадил, тебе и подчищать!.. Коня мне. Доложишь о возвращении роты лично!

Пыль клубилась в две стороны от Грозной. На юго-восток уходила рота Недоспасова, на север, к Червлённой, уходил Ермолов со штабом и двумя сотнями казаков.

По дороге в Кайзехи рота вошла в три аула и сожгла их, вырезав по тридцати мужчин от пятнадцати до шестидесяти лет, не тронув женщин, детей и старейшин. К семи часам вечера девятнадцатого мая 1823 года рота Недоспасова приблизилась к Ведено...

Рядовой Сажин, человек к войне не приспособленный, субтильный и неуверенный, шел в строю последним, не подпевал и к ротному барабану не прислушивался. Все это угнетало его существо и приводило в трепет. Полгода назад рекрутированный для службы на Кавказе и переведенный из тылового обеспечения в боевой полк из-за безумных перестановок, он так и не привык к выстрелам и крови. Увлекали его больше не строевой шаг и не стрельба по неприятелю в каре, а чтение стихов молодого поэта Пушкина из Петербурга.

Вот и сейчас, попросив у унтер-офицера Водопьянова разрешения отлучиться по нужде, он отстал от роты, спускающейся в поросшее яблоневыми деревьями неглубокое ущелье, и остановился у ближайшего дерева, расстегивая гульфик. Оправившись, он схватил ружье под мышку да, застегиваясь и путаясь в ножнах штыка, суетливо сбежал вниз.

Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что остался один. Роты не было.

Похолодев, Сажин бросился вниз, отмахиваясь от хлещущих в лицо веток. Ущелье неглубокое, но оно расходилось, как пятерня, и как угадать, куда именно двинулась рота!

Врага не было, и Недоспасов решил срезать путь и, вместо того чтобы обойти ущелье, спустился в него с ротой.

– Ах, какая беспечность! – восклицал Сажин, торопясь. – Его высокоблагородие полковник Лекунов запретил ведь водить солдат по ущельям!

Сажин знал, что в роте было много желающих пошутить над ним. И нередко случалось, что шутки эти казались ему дикими и неуклюжими. Но Сажин никак не осмеливался предположить, что вся первая рота по приказу штабс-капитана Недоспасова – а как же иначе? – все унтеры, солдаты и офицеры, а также прапорщик Кудасов и барабанщик Волин спрятались и теперь пребывают в томительном ожидании развязки.

– Эй?.. – тихо позвал Сажин, хотя прекрасно понимал, что звать некого.

Он ускорил шаг и побежал, уже не обращая внимания на ветви.

Рота не могла пробежать две версты и войти в развалившийся в долине Ведено за то время, пока он приводил в порядок брюки. И рота не могла подняться из ущелья, поскольку Сажин, находясь наверное выше местонахождения роты, видел бы этот маневр.

Солдат сделал несколько неуверенных шагов и затравленно оглянулся. Первой роты первого батальона Черданского полка не было. Она исчезла. Словно поднялась на небо. Туда Сажин и посмотрел. Но там, между будто взбитой со сливками облаков синькой, не было никого, кроме трех парящих коршунов. Первая рота первого батальона Черданского полка исчезла.

На рассвете двадцатого мая пред часовым крепости Грозной предстал странный человек. Без ружья, с зажатым в руке обнаженным кинжалом, без ранца и в одном сапоге, в пыли и кителе, на котором не хватало половины пуговиц, Сажин раз за разом называл свое имя, клялся, что служит царю, и умолял впустить. А через десять минут, стоя перед нависшим над ним Лекуновым, говорил неразборчиво и бессознательно:

– Спустился в ущелье – нету роты. Ваше высокоблагородие, как перед богом говорю – спустился, а роты нету.

Полковой врач предположение о сумасшествии Сажина не подтвердил.

– Где рота, солдат?! – трясся не склонного к диалогу рядового, кричал Лекунов. – Где рота? Был бой?

– Не было боя, – спокойно отвечал солдат. – Не было. Я по саду спустился – а роты нету.

– По какому саду?!

Ермолов вернулся в Грозную к полудню. И спустя два часа после возвращения рядового Сажина в крепость Грозная он поднимает первый батальон полка. С ним и повторит путь первой роты. По дороге два аула, разгромленные штабс-капитаном Недоспасовым, будут вырезаны полностью и сожжены дотла. По Ведено, еще не ставшему цитаделью имамата, батальон прошел как смерч и достиг селения Кайзехи. Через два часа этот населенный пункт был стерт с лица земли и никогда уже более на нем не возрождался. Последние из жителей аула – шесть старейшин – были поставлены на колени и казнены. Но перед смертью старики поклялись, что ни одно воинское подразделение русских до Ермолова в поселок не входило. Их установленные на колья головы еще некоторое время стояли посреди пепелища, и стаи ворон от них и кучи трупов отпугивал только густой дым...

Первая рота не была обнаружена. Она словно поднялась на небо в полном составе. Или сошла в преисподнюю. При возвращении, у Ведено, Ермолова догнал казачий сотник и протянул генералу эполет.

– Ваше превосходительство, я знаю, чей это эполет.

– Где вы его нашли?

– На дне южной части ущелья. С позволения сказать, это и не ущелье, вы сами видели, так, овраг... Осмелюсь доложить, я узнал этот эполет по царапине на нем.

– Говорите.

– Мы были близки со штабс-капитаном Недоспасовым, он брат моей жены, ваше превосходительство...

– Эполет Недоспасова?

– Так точно. Эта царапина... Это след от пули на дуэли, после которой Александр Львович оказался на Кавказе.

До темноты личный состав батальона, рискуя нарваться на налет чеченцев, с пристрастием обыскивал ущелье и подступы нему. Но более ничего не было найдено.

Ничего, кроме странной, побуревшей от времени и покрытой рыжим мохом пещеры. Ермолов велел нескольким солдатам войти в нее, поскольку у входа в пещеру виднелись следы сапог. Впрочем, следы сапог тянулись на протяжении всего ущелья.

Трое солдат вернулись ни с чем.

– Ваше превосходительство, мы насилу выбрались обратно. На входе показался свет, и мы решили, что это тоннель, но через сто шагов тоннель раздвоился. Наудачу мы двинулись

вправо. Но вскоре тоннель снова раздвоился. Вернулись и последовали влево, однако через сотню шагов произошло то же самое...

В Грозной Ермолов думал долго и мучительно. О странных свойствах местных пещер, уводящих людей навсегда, ему было известно.

– Нужно сообщить о странном происшествии в столицу, Алексей Петрович, – неуверенно предложил полковник Лекунов.

– Вы хотите, чтобы надо мной весь Петербург смеялся?

– Но это все равно придется как-то объяснять!

Объяснять не пришлось. За неразберихой и до сих пор не прекращающейся перестановкой войск рота была признана погибшей в бою при обороне крепости Внезапная и вскоре пополнилась новобранцами.

Рядовой Сажин был отправлен в тыл на лечение, по излечении признан негодным к строевой службе и отправлен в свою губернию, где еще долгие годы рассказывал о таинственном исчезновении первой роты первого батальона Черданского пехотного полка.

1

Стольников решил не вести в поиск весь взвод. Слишком много людей на довольно открытом участке местности для проверки сомнительной информации. В полночь с одним из офицеров бригады встретился житель Ведено и сообщил о странном движении близ Сунжи. Он пас скот и заметил, как в прибрежной «зеленке» передвигались гуськом пять или шесть человек. Может, «федералы», может, боевики. Пастух плохо понимает разницу между этими людьми. Оружие при путешественниках, да, было. Только пастух не помнит какое. Может, автоматы, может, ружья. Но совершенно точно, что путники были одеты в камуфлированную одежду.

Пастуха поблагодарили, и он отправился восвояси.

– М-да, – выдавил, растирая лицо руками, начальник разведки бригады. – Если это чехи, то только из отряда Магомеда Алхоева. Хотя непонятно, что им там делать. Опорный пункт там некрепишь, да и зачем это делать под носом у бригады?

Подполковник Пушкив, начальник разведки, любил разгадывать шарады, лично ходить в разведку и доверять одному только командиру взвода Стольникову. Ни одно из этих увлечений его продвижению по службе не мешало, и он давно бы уже служил при штабе внутренних войск в Москве, подметал бы выходными брюками Арбат. Но он нужен был бригаде, и генерал Зубов объяснял застой в карьере Пушкива следующим образом:

– Уйдешь, и что? Превратишься в тыловую крысу. Где ты будешь в Москве в засаде сидеть? В Марьиной Роще алкашей вырубать?

Доводы действовали безотказно. Пушкив готов был служить в бригаде еще десять лет, лишь бы ему не мешали накрывать группы Алхоева и ему подобных.

Стольников рассмеялся.

– Владимир Петрович, ждешь контратаки?

Между командиром разведвзвода и начальником разведки бригады по давно установившейся традиции шли разговоры, со стороны кажущиеся спорами и даже стычками. Изредка присутствующие на таких встречах офицеры тревожно водили взглядами и произносили что-то вроде: «Да ладно, мужики, что вскипятились? Одно же дело делаем, чего ругаться?..» И тогда Пушкив и Стольников хохотали.

Смысл всех споров заключался лишь в том, чтобы выдавить из них истину. Один предлагал версию и давил до последнего, роль второго заключалась в изобретении действенных способов эту версию превратить в ошибочную. Но только – действенных, логичных, чтобы окончательно отречься от одной версии и перейти к другой.

– Жду, Саша.

– А тут все просто. Там схрон, я считаю. Лежку хотят организовывать близ Сунжи, вдали от Ведено...

– Вдали ли?

– А два с половиной километра – разве не «вдали»? Из чего палить? Из зенитной установки? И по какой цели? По райотделу милиции? Цель средства не оправдает.

– А диверсия?

– Какая? Воду в Сунже отравить?

– Логично. Нет причин для беспокойства.

– На этот счет – нет. На другой – есть. Схрон там, – настоял Стольников. – Почистить не мешало бы, Владимир Петрович.

Пушкив выбрался из-за стола и прошелся по кабинету. С тех пор как оперативная бригада МВД особого назначения перебралась из палаток в благоустроенные модули, он чувствовал себя неуютно. Как хорошо было в самом начале 2000-го! Лежишь в холодной палатке в

районе аэропорта Северный, стучишь зубами, дров нет, электричества нет, вода херовая – красота! А что теперь? Обогреваемые, светлые модули, совещания проводишь не при самодельном «светлячке» из консервной банки с подсолнечным маслом, а при люстре. При – люстре!.. А вот раньше зайдешь с улицы, где дождь хлещет, в темную палатку и – на влажный матрас под три одеяла. На мертвой «буржуйке» на двух таблетках сухого горючего котелок для чая полчаса уже греется для четверых. А ты лежишь, греешь понемногу мокрую одежду, и скоро одежда начинает греть тебя за твой же счет. А над головой – «шшшу!.. шшшу!..». Артиллерия с высоты «зеленку» вокруг Грозного обрабатывает. Как в сказке. Это шипение летящих над койкой снарядов убаюкивает и умиротворяет. Как-то раз артиллеристы на неделю взяли выходной, так Пушкин уснуть не мог. Тишина отвратительная, от бессонницы едва серым не стал.

И вот лежишь, греешься, и это удовольствие – ожидание, когда вода закипит, чтобы в нее можно было заварку всыпать, – ни с чем не сравнится. В такие минуты начинаешь понимать, что есть счастье. И что пол с обогревом, ванна из оникса и бутылка коньяка перед телевизором никогда не сделают мужчину счастливым.

Стольников прибыл в бригаду три года назад, уже после благоустройства бригады под Грозным. И упрекнуть капитана в непонимании разницы между просто счастьем и мужским счастьем тоже нельзя. Три месяца отлежал с ранением во Владикавказе, а до этого служил в Софринской бригаде особого назначения, тоже командиром разведвзвода. Но встретились вот они однажды в Грозном, сошлись, и попросил Стольников перевода. Было между этими двумя понимание более тонкое, чем может быть между братьями-близнецами, и такое же крепкое, как между друзьями. Хоть и разница в возрасте в десять лет.

Стольников еще пару лет назад мог перебраться начальником разведки в похожую бригаду. Опыта боевого хватало с избытком, орден Мужества, ранение – все было при нем, и это открывало простор для размышлений о карьере. Но его умение по два раза получать старшего лейтенанта и столько же раз капитана сводило на нет все усилия кадровой службы подумать о его новом назначении.

Пять лет назад приехал в расположение Софринской бригады в Грозном штабист. Ну, приехал и приехал. Пожил бы пару недель в расположении, получил бы приказ об участии в боевых действиях и отвалил бы обратно. Получил в Москве «боевые» и успокоился. Но нет. Его же не за этим послали, а чтобы он, значит, погонял зажавшихся в отрыве от части лентяев. И вот сидит у палатки Стольников с командиром саперного взвода Гришей Лукьяновым – они только что из Ханкалы колонну с боеприпасами привели. Солдат уложили, а самим не спится, руки ходуном ходят после обстрела колонны. Беседуют о херне о всяческой – о Боге, женщинах и тушенке. А подполковник мимо шел и усмотрел в их действиях беспечность, грозящую безопасности внутренних войск. А поскольку подполковник не искушен был в вопросах, которые на войне поднимать нужно, чтобы отчитать, то не понравился ему нечесаный вид собаки под ногами старшего лейтенанта Гриши. Виданное ли дело – собака на войне грязная: рычит, место дислокации выдавая, да еще и без намордника. Слышал в Москве подполковник, что нет более отвратительного нарушения, чем собака без намордника. А тут еще и немытая.

Мишка, кобель саперного взвода, даже он удивился таким словам. Башку наклонил, слушает и ушам не верит. Чего, спрашивается, его мыть и чесать должны, если самим хозяевам помыться негде? Посмотрел на Гришу – что ответит? А Гриша, он старший лейтенант смирный, отвечает подполковнику: «Так точно, товарищ подполковник, не порядок. Виноват. Помою собаку. Вода-то, собственно, уже кипятится. Мы вот и ждем сидим – пока согреется. Мыло, мочалка, все готово». Удовлетворенный подполковник напоследок заметил, что о нарушении будет вынужден сообщить в Москву, и там личное дело старшего лейтенанта Гриши благодарностью украшено не будет, это ясно. Так как о собаках заботиться нужно, а то еще блох не хватало. Животное на войне нужно содержать в порядке. И вот тут-то бы разойтись им в разные стороны, но Стольников не выдержал.

– Да, жаль все-таки, – выдавил он, – что состояние личных дел офицеров зависит от животного.

Подполковник подумал и уже почти согласился с этим выводом, ибо ничего нового капитан не сообщил, но вдруг пересмотрел им же рожденную истину и сорвался на крик. Ему это было позволено, отец все-таки не где-то, а в Генштабе служил. Так через месяц после возвращения подполковника в Москву капитан Стольников получил следующее внеочередное воинское звание «старший лейтенант». А через три месяца комбриг послал документы на присвоение ему снова капитана за вывод из окружения Тувинского ОМОНа.

Но ходить капитаном Стольникову долго не пришлось, так как через три месяца после присвоения отправили его проверить, как там живет-здоровствует блокпост между Толстой-Юртом и Грозным. Блок-пост тот носил название «Карьер», поскольку неподалеку добывали для строительства бригады глину. Приехал Стольников с пятком своих ребят на БТРе, посмотрел и онемел от изумления.

– Привези, братишка, пожрать чего-нибудь, – вместо «привета» попросил его командир взвода. – Второй день бойцов кормить нечем. И главное – воды. У меня есть во что набрать, а в Толстом-Юрте колонка есть, скажу где.

– В смысле – пожрать? – спросил Стольников. – Вам что, не возят?..

– Так старшину нашего во Владик с чирием увезли, а о нас что-то подзабыли маленько... – Взводный улыбнулся и закурил. – Нет, так-то ничего. По утрам двоих отправлю, пару зайцев подстрелят. Когда фазана. Но без воды хреново, честно скажу.

– У тебя связи нет? – предположил Стольников.

– Есть связь. Три раза просил. Но все некогда, обещают завезти, как по пути получится. Но не могу же я постоянно просить.

– Вы одурели, лейтенант? – рассвирепел Стольников. – Ты не можешь просить, а бойцам что жрать от такой твоей стеснительности? Ты о ком думаешь – о себе или о бойцах? Деньги давай! Свои! Из кармана!

Он повернулся к бойцам.

– На броню! – Потом подумал и добавил: – Номер грязью замажьте. И – в Толстой-Юрт.

И надо же было такому случиться, что именно в этот день и час, а не позавчера и не двумя часами позже, шла мимо Толстой-Юрта колонна «коробочек». Требования устава соблюдались безукоризненно – между машинами около ста метров, скорость сорок. На войне по открытой местности так водить колонну могут только мужественные военачальники. Или кто на войне первый день. А Стольникову некогда было, потому как времени в обрез, – нужно еды купить, воды набрать, на блокпост завезти, да еще и вернуться вовремя, чтобы в бригаде вопросов не задавали. В населенные пункты ездить нельзя ни при каких обстоятельствах. Строжайше запрещено. Лучше колонны со скоростью сорок километров в час водить, чехов искушать.

Сидя за рулем БТРа, Стольников обогнал колонну и пошел дальше. А головной «уазик» чего-то взволновался и – за ним.

– Командир! – орет сержант Баскаков, заглядывая в люк. – Там в кабине «генс» какой-то!

«Не хватало, чтобы меня здесь свои накрыли», – подумал Стольников и поддал. И «уазик» поддал. Так и влетели в Толстой-Юрт, как на Гран-при в Монако.

Такого местные не видели со времен первой чеченской кампании. По улицам, как собака, мечется бронетранспортер, а за ним «уазик» летает, будто на тросе привязанный.

– Командир, уходить надо, а то огребем! – кричит прапорщик Жулин, подняв ухо шлемофона Стольникова.

– Что за генерал, Олег?

– Не знаю, это армейцы, не «вэвэ»!..

Коров и овец Толстой-Юрт лишился еще в первую кампанию. На том месте, где блокпост «Карьер» стоял, была раскинута база Басаева. Басаева выбили, пришли «федералы». Скотинку

масштабно не забивали, так, если только какая на минном поле подорвется. Блокпосту без минного поля нельзя. А чтобы мясо все-таки было, то табличку «Мины» ставили на сто метров ближе к блокпосту и на столько же дальше от переднего края. Свои знают, а скотина читать не умеет. Читать умеет пастух, на то и надежда. Гонит скотину по краю, а край чуть дальше. И вот заводит он говядину на поле, видя, что до минного поля еще метров сто, а говядина уже на минном поле. Бах! – и улетела коровья душа к своему рогатому богу. И чтобы потом вопросов по поводу странной смерти крупного рогатого скота не было, старейшинам делается предупреждение, что если их продавшийся боевикам пастух еще раз своими коровами минные поля щупать решится, то огонь будет открыт вообще без предупреждения. Как-то так. В общем, мясо свежее всегда было. Но потом скотину местные все равно извели.

Так что сбить барана или быка, по улицам села пыля, риска не было. Зато куры бегали и летали стаями, придавая погоне вид провинциального экшна.

Генерал сдаваться не хотел, а Стольникову терять было нечего. На противостоянии этих ощущений гонка держалась еще около пяти минут. Около десятка сломанных плетней. Разваленный сарай и срезанный броней десяток акаций – это можно было занести в пассив Стольникову, окажись он пленен армейским генералом.

Сделав очередной виток вокруг села, капитан резко остановился и задом заехал во двор какого-то дома. Стояки огромного загона хрястнули, ветхая крыша легла на БТР. Успевшие соскочить с брони бойцы спрятались за обломками, сам же Стольников, выскочив из люка, перебил ногой опоры курятника, и его стена, покосившись и рухнув, закрыла переднюю часть БТРа.

Около трех десятков лишенных жилья разномастных обезумевших кур металась по двору, теряя перья и кудача. Из дома выскочил хозяин, встал посреди двора и стал водить вокруг себя налитыми кровью глазами. И в эту минуту на улице показался «уазик». Стольников выглянул из-за укрытия, став видимым для чеха, приложил к губам палец и тут же спрятался обратно.

Из «уазика» выскочил паренек в отутюженном камуфляже и только-только прорезавшимся баском прокричал хозяину:

- БТР внутренних войск видел?
- Откуда они знают, что внутренних войск, мы же все замазали? – удивился Стольников.
- Может, грязь отвалилась? – предположил Баскаков.
- Ох, сдаст он нас, ох, сдаст... – в отчаянии похохатывая, прошептал Жулин.

Чеченец, словно в обе ноги раненный, неловко повернулся и показал солдату вдоль улицы.

– Туда поехала!

Дверца хлопнула, «уазик» исчез. Еще около четверти часа Стольников со своими людьми сидел в укрытии. Выехали из загона они только тогда, когда отправленный в разведку Баскаков вернулся с информацией, что колонна миновала Толстой-Юрт и проследовала в сторону Червлённой.

Наступил женский час. Из дома, расхристанная, словно встречая подводу с убитыми родственниками, вылетела чеченка и подняла такой вой, что у Стольникова заложило уши. Хозяин стоял посреди двора молча, нервно почесывая руки.

– Баскаков, – прикрикнул Стольников. – Посмотри, что там в загоне?

Вместе с мечущейся чеченкой, вскидывающей руки к небу, он вынес из загона восемь покойных кур. На крыльцо вывалились ребятишки – человек пять от трех лет до двенадцати. Перекрыв вход в дом, они стояли и равнодушно наблюдали за происходящим. Война быстро приучает к спокойствию.

– Хозяин, что куры нынче стоят? – миролюбиво поинтересовался Стольников. – На базаре сколько за одну просят?

– Какие куры, – ожил чеченец. – Какие за копейка не нужен. Худой. А эти – сам смотри, бараны.

– Короче.

– Сто рублей.

Сотников вынул из кармана пачку денег. При виде купюр чеченка подняла еще больший вой. То ли хотела добавить к цене, то ли скорбела о незапланированной сделке.

– Восемь кур. По двести за каждую. Итого тысяча шестьсот. Вот две, хозяин, – Стольников протянул чеченцу две тысячные купюры. – Как за индюков. И еще две на стройматериалы. Прости, погусарили мы тут у тебя немного... Хозяйка! – Сотников отщипнул от пачки еще одну тысячную и задумался. Спрашивать в Чечне о картошке – дурь немислимая. – У тебя есть очень дорогая вермишель?

На блокпост он вернулся с водой, курами и вермишелью. Хлеба достать не удалось. А когда прибыл в расположение, был тут же вызван комбригом. Огромный, как медведь, плечистый, генерал Зубов с оскалом симпатичного людоеда протянул капитану пару погон.

– Поздравляю с присвоением очередного воинского звания «старший лейтенант», капитан Стольников!

– Служу России!

– Мать твою!.. Ты понимаешь, чего мне стоило уговорить замкомандующего оставить тебя на службе?!

– Виноват, товарищ генерал-майор.

Остывший Зубов покрутил бычьей шеей и отошел к столу, на котором была раскинута карта.

– Квадрат «Рысь», по улитке три. Оттуда сегодня ночью с нашим дежурным по части чехи связывались. Анекдоты рассказывали.

– Отвлекают. Мы туда приедем, там жажнет. А в это время они с севера проскочат.

– Так вот ты на север сразу и проскочи. Пушкин в курсе.

Пушкин всегда был в курсе.

Через два часа на северных подступах к расположению бригады завязался бой. О масштабах подобных столкновений хорошо помнили ветераны, те, кто штурмовал Грозный и входил в Бамут. И нервничали те, кто прибыл недавно и в мясорубке не побывал. Взвод Стольникова, ввязавшись, уже не имел возможности выйти. Оказавшись между горой Ястребинская и поселком Рассвет, капитан мог увести людей к северным подступам, к Толстой-Юрту. Но тогда поселок был бы открыт для входа банды Курсуева, которая и вела радиоигры. Три часа, кое-как закрепившись в «зеленке», Стольников удерживал поселок и не давал себя обойти с флангов. «Вертушки» авиаполка из Грозного появились только через час. Хотя лететь было три минуты...

Ранение, госпиталь во Владикавказе, и по выходе – звание «капитан».

Судьбы офицерские изломаны, как хворостины. Сломаешь, но не оторвешь одну часть от другой. Сломаешь дальше – но снова не пытайся отнять. Так и тянется та хворостина – ломаясь раз за разом; все ближе к концу, но оставаясь по-прежнему одним целым...

А сейчас капитану и его людям нужно было оказаться под Ведено. Сообщение стукача можно было проигнорировать, тем более сколько было их таких, заведомо ложных... А если – нет?

Если нет, то недалеко от Ведено затевается мероприятие. А начинаются эти мероприятия всегда с концентрации оружия и боеприпасов. Носят в схрон тротил, автоматы, патроны, гранатометы, а потом враз появляются, и человеку, далекому от военной разведки, непонятно и удивительно, откуда на ровном месте могли образоваться пятьдесят или сто вооруженных от пят до макушки живодеров. Это откуда они такие обвешанные оружием пришли?

Сказал капитан Пушкову, что принял решение взвод не вести. Возьмет первое отделение: он и еще девять человек – хватит. А если там чехов до полка будет, так и взвода все равно мало будет.

– Но, скорее всего, шняга очередная, Владимир Петрович, – сказал Сотников. – Промоюсь окрестности, отыщу ямку. Сапера одного возьму, с командиром роты согласовать нужно.

– Ямка, ямка... – пробормотал Пушков и поморщился, как от боли. – Смотри в оба, Саша, хорошо? Комбригу я докладывать не буду, начальнику штаба тоже. В последнее время как только вынесешь что из избы – чехи уходят из-под носа. В штабе кто-то есть у них, Саша.

– Потом вычислим, – находясь мысленно уже там, под Ведено, пообещал Стольников.

– Вычислим, вычислим... – задумчиво пробормотал начальник разведки. – Ну, трогай.

Стольников улыбнулся, поднялся и, не прощаясь, вышел. Кто же прощается перед выходом?..

Спал он в офицерской палатке на десять человек. Он, командиры отдельных рот, взводные. Солянка бригадная. Но перед выходом Стольникова, когда собираться нужно было, будь то хоть ночь, офицеры поднимались без претензий, уходили к солдатам и там ложились на свободные кровати и спали. Потому что знали – поговорить капитану с людьми нужно.

Вот и сейчас накрыли стол, вскрыли тушенку; сало, хлеб – разложили. Каждый подошел, вынул НРС, сала себе от куска общего отрезал, на кусок хлеба положил. Нож перед выходом всегда в сале должен быть. Тогда он из ножен выходит не шепча – мягко, бесшумно. Айдаров, снайпер, сало не отрезал, просто лезвие о кусок вытер. Для врага сало на лезвии – пожалуйста, для себя – лучше убейте. Вера не позволяет. Проверили патроны в рукоятках. Скольким этот стреляющий нож жизнь спас? – никто не считал. И в рукопашной хорош, и выстрелом можно чеха завалить с двадцати пяти метров. Разгрузочные жилеты вынули, ножи для метания проверили.

Антапки на автоматах давно замотаны, чтобы карабины при ходьбе не бренчали, но еще на раз бинтами прошлись. Рассовали магазины, гранаты.

– Вещмешки проверили?

Раньше одни разгрузочные жилеты таскали, но Стольников старшине велел обычные солдатские вещмешки раздобыть. В них на выходы засыпали по триста патронов к автомату. Разное случается. Бывает, так зажмут, что с места не сдвинешься, подмоги нет, а стрелять-то чем-то надо. С магазинами большой груз получается. Да и не обмотаешь их бинтами, чтобы не стучали в дороге. А так перетянул резинкой мешок у основания, и болтается у тебя за спиной не издающий звуков груз на десять магазинов. Неприкосновенный запас.

До «летунов» прошлись молча, у часового остановились.

– Пройти сможете?

Не самое лучшее место для проведения учебного занятия. Очумевший боец стоит на посту, в руках АКС, первого года службы, не иначе. Он и «Стой!» кричит голосом, каким маму зовут. С перепугу такую пальбу устроить может, что в Москве командующий ВВ проснется.

Стоит Стольников в пятидесяти метрах у него на виду, курит. На часы посмотрел – пять минут прошло. И двинулся к часовому.

– Стой! Восемь!

Пароль на эту ночь – «двенадцать». Это значит, что часовой называет число от одного до двенадцати, а тот, кто в теме, разницу прокричать должен.

– Четыре.

Расслабился мальчишка.

Стольников мимо тенью проследовал, щелчком отбросил окурочок. Улетел чинарик трассером в кусты, рассыпался там искрами и исчез. Прошел капитан мимо домиков летунов, на площадку ступил. А там все девять его уже дожидаются.

– Ну что, все? – спросил пилот, тоже капитан.

Ми-8 стоял на разогреве, гудел. Стольников протянул руку, пожал. Знал он этого капитана не близко, но при встречах они всегда улыбались друг другу, как старые знакомые. Хотя разве можно не улыбаться и не жать руки друг другу, если один тебя несет по воздуху туда, куда простые смертные даже заглядывать боятся, а другой знает, что в любой момент сбить могут. Ми-8 не «крокодил», резко не развернется и не уйдет. Хотя на борту тоже есть чем напугать боевиков.

Неделю летун на «губе» сидел, и кто бы мог подумать – за мастерство. Пospорил с комбатом второго оперативного батальона на три бутылки коньяку, не дагестанского, привозного из Моздока, паленого, а армянского, из Москвы, лежащего в сумке комбата в качестве подарка. Зависла «вертушка» над землей на полметра, а капитан и штурман-старлей соскочили с нее и лезгинку станцевали. А потом забрались обратно в кабину, посадили машину и собирались уже отправляться в палатку коньяк трофейный открывать, как вдруг появился командир эскадрильи и весь праздник испортил. Не нравилось полковнику, когда машины без экипажа в воздухе висели.

– Когда забирать, Саня?

Стольников, пропуская отделение, пожал плечами. Не любил он этих вопросов.

– Я скажу когда.

Дверь закрылась, «вертушка» поднялась в воздух, чуть присела и пошла на юго-восток.

Саша сидел на стальном полу и, шурясь, разглядывал лицо штурмана, усевшегося за ПК у бойницы. Впервые видел его, хотя слышал много. Пловцов его фамилия, кажется. Первая чеченская, вторая чеченская... Уже давно бы ушел штурман на пенсию, да некуда было возвращаться. После ранения во время штурма Грозного, когда «вертушка» его упала в жилом районе и он со «стечкиным» в руке пробирался к своим, бросила его жена. Потому что трудно жить с мужиком, у которого не стоит. Четыре месяца штурман в госпитале отвалился, вышел оттуда импотентом и хотел лбом на «стечкина» лечь, но вдруг сыграло в нем упрямство.

«Тридцать три. И что, если я теперь проживу, бог даст, до семидесяти, то за тридцать семь лет ни одну не трахну?» И что-то так страшно ему от мысли этой стало, что стал он какие-то упражнения делать. Никто не видел какие, но книгами по китайской медицине штурман обложился в таком количестве, что командир авиаполка заподозрил неладное. Но вернувшийся от штурмана психолог сообщил, что все в порядке, человек просто самосовершенствуется. И закончилось это самосовершенствование двумя неделями разгула и оргий, которые поглотили штурмана в Питере во время его очередного отпуска. Бывшая жена пыталась дважды вернуться, но штурман был непреклонен.

И вот сейчас, за сорок восемь секунд до падения вертолета, штурман сидел и с безразличием смотрел на проплывающую под ним темноту, а Стольников с улыбкой на губах наблюдал за ним и желал этому человеку удачи...

2

Тепловые «хлопушки» рассыпались от «вертушки» в разные стороны, но было поздно. Пущенная с земли «Иглой» ракета ударила в один из двигателей силовой установки, и вертолет бросило в сторону, как подраненную птицу.

Пытаясь сообразить, сколько метров до земли, Стольников, морщась от боли в ушах, вскочил на ноги и тут же был отброшен в сторону очередным непредсказуемым маневром «вертушки». Вертолет с одним подбитым двигателем мог продолжать полет, но осколками ракеты был поврежден несущий винт. И теперь Ми-8, качаясь и теряя высоту, падал в «зеленку».

По дюралевому корпусу прошла крупная дробь. Пробивая фюзеляж насквозь, пули боевиков превращали «вертушку» в дуршлаг. Хватаясь за плечи бойцов, Стольников, падая и поднимаясь, добрался до кабины. И капитан, и его помощник были мертвы. Кабина была залита кровью, и по прошитому насквозь стеклу сползали густые, липкие комки мозга...

До столкновения с землей оставалось метров двадцать, но «вертушка» не падала камнем, а опускалась по примеру кленового семени – кружась и заваливаясь набок.

Обернувшись и убедившись, что его видят, капитан ткнул пальцем вниз и показал кулак. Бойцы тут же зашевелились, пытаясь отыскать позу, удобную для встречи с ударом. Кричать и командовать в салоне работающего вертолета бессмысленно – Стольников сам себя не услышал бы...

«Вот тебе и «ямка»! – думал капитан, вглядываясь в кроны приближающихся деревьев. – Вот тебе и «схожу посмотрю»!..»

Вертолет с разведкой оперативной бригады особого назначения внутренних войск МВД России был только что атакован с земли переносным зенитно-ракетным комплексом. И это был не выстрел наудачу, а хорошо запланированная операция. Стольников слышал, как пули чехов бились о броню «вертушки» снизу, не причиняя вреда бойцам. Но скоро все изменится. Сразу, как только «вертушка» упадет на землю. Тогда ничто не спасет от обстрела, фюзеляж в одно мгновение превратится в братскую могилу...

Развернувшись вполоборота, капитан вскинул над плечом руку и, глядя в омытое кровью стекло, стал отсчитывать пальцами время падения: пять... четыре... три... два... один... И сжал кулак.

Удар и грохот ломаемой о деревья «вертушки» на мгновение отключили у бойцов сознание. Даже сам Стольников, видя землю, зная, в какой момент вертолет ударится о нее, был оглушен и смят.

Ми-8 упал на поросший деревьями склон. Дважды, ломая сухостой и молодую поросль, скатывался, переворачиваясь, но на третий, встретившись с крепко держащимися корнями за землю деревьями, остановился. Он загорелся в момент удара. Топливные баки разорвало о камни, керосин хлынул, и по мере того как «вертушка» катилась вниз, ее окутывало все большее и большее пламя...

Грохот стих, слышен был лишь гул ротора и скрип дюралья.

– Наружу! – прокричал Стольников и попытался открыть дверь.

Но она была замята и не открывалась. Стольников перехватил автомат и в этот момент почувствовал сильный толчок в плечо. Не сумев удержаться на ногах, он завалился на бойцов, не успев разглядеть того, кто его сбил с ног.

Штурман, сплевывая затекающую со лба на губы кровь, держал в руках снятый с креплений пулемет. Направив его в упор на дверь, он в три очереди срубил не замок, а петли. Баскаков и Жулин тут же выбили уже почти ничем не удерживаемую тяжелую створку ногами и вывалились наружу.

– Разойтись! – прокричал Стольников, выбираясь из искореженной машины вслед за штурманом. – За камни!

Эти команды он отдавал лишь для того, чтобы бойцы почувствовали – он с ними. Его голос тверд, и он неведим. Спрятаться за камни хватило бы догадки у каждого. Особенно когда находишься под шквальным огнем.

Пылающая машина освещала местность, казалось капитану, до самого Ведено. При таком освещении трудно быть неуязвимым. Скоро займется лес, и тогда это будет уже день, а не ночь. Слепленные, оглушенные, разведчики представляли собой удобную цель даже для новичка.

Пилоты были убиты, но оставлять их людоедам Алхоева он не имел права.

– Крикунов, Ермолович, ко мне! – Вскочив, капитан сократил расстояние до горячей машины вдвое. – Пилотов не оставлять!.. – и первым бросился к изуродованной «вертушке»...

Но в тот миг что-то большое и сильное подняло его стокилограммовое тело в воздух и, как куклу, перебросило через голову. Ударившись спиной о камень, капитан почувствовал, что легкие его слиплись, как воздушные шарики, из которых откачан воздух до последней молекулы. Лишь на третий раз, уже задыхаясь, он смог с хрипом расправить их и начать жадно, стуча зубами, хватать воздух.

Огненный шар, вырвавшись из чрева «вертушки», ослепил, сбил с ног и швырнул за камни, спасая жизнь капитану. Останься он на этом месте еще мгновение, был бы разрублен надвое очередью стоявшего в пяти метрах боевика. И теперь чех, дико крича и хлопая себя руками, катался по земле, пытаясь сбить с себя пламя. Обессиленно втягивая воздух, Стольников видел, как плавилась, дымясь, его борода и как Крикунов, подняв АКС, очередью в два патрона прекратил его муки.

– Командир, все в порядке? – хватая капитана за плечи, справился Ермолович.

– Порядок... – прохрипел Стольников, вставая и в свете огня пытаясь разглядеть свой автомат. АКС ему принес Крикунов.

– Теперь и вытаскивать некого, товарищ капитан, – уверенно, словно найдя оправдание своей вины, пробормотал он.

– Уходим! – приказал Стольников. – Уходим со света! – повторил он, последним бросившись туда, где темнел еще не занятый пожаром лес.

Встав над валуном, штурман, в одной руке держа ПК, а в другой – две коробки с патронами к нему, поливал от бедра вершину холма. Стольников машинально прикинул на глаз, сколько единиц оружия работают против него. Трассерами стреляли не все чехи, но даже тех, кто имел привычку забивать в магазины трассирующие патроны, было много. Они превосходили группу Стольникова по меньшей мере вдвое. Значит, вдесятеро, если в общем...

Потрясение после удара о землю прошло, убитых не было, зацепило одного Лоскутова, да и то на земле. Потери – пилот и его помощник. Заняв позиции, разведчики открыли ответный огонь, и выстрелы с холма и флангов сразу поредели.

В десяти метрах от Стольникова ухнула о камни и свистнула осколками пущенная из РПГ граната. «Хорошо – в глаз! – пошутил не вовремя капитан, вытирая кровь с брови. – А если бы в висок? Насмерть!»

Спускаясь все ниже и ниже, держа своих людей в поле зрения, капитан решил: если начнется преследование, можно окончательно распрощаться с предположением о стихийной атаке. Значит, человек Пушкиова – человек не Пушкиова, а – чехов.

Разведгруппа по два, по три человека стала сползать с высоты, утопая все глубже в темноте «зеленки». По направлению пронизывающих лес трассеров Стольников понял – их окружают. Технично, грамотно, целенаправленно – берут в кольцо и сдавливают.

Свистнув, он махнул рукой, и Мамаев, связист, дав наугад очередь, в несколько прыжков добрался до него.

– Связь с Восьмым, Мамаев! Шевелись!

«Восьмым» был Пушкив. По давно установившимся – уже никто и не вспомнит, когда они установились, – правилам, до обнаружения группы связь Пушкив вел только на прием. И сейчас самое время было его потревожить.

– Восьмой, я Третий! – улегшись на спину, закричал Саша.

– На линии! – Стольников сразу узнал голос Пушкива. Значит, лично сидит у станции начальник разведки бригады.

– Сбили меня, Восьмой! Ухожу вниз с холма, квадрат не понимаю!

– Сколько времени были в полете?

– Десять минут минус сорок восемь секунд!.. Я не могу сориентироваться, Восьмой!..

Подсвети наугад!

Все было налажено заранее, как десятки раз до сегодняшнего выхода. Как ухнула гаубица, Стольников не мог слышать, но через три минуты небо в километре левее от него осветилось молочным светом, потом подостыло, и еще через мгновение наступил день, в котором предметы не отбрасывают тени. Стольников и его люди прятались за камнями и были не видны, но зато спускающиеся с холма боевики были как на ладони. Разведчики дали короткий залп, и трое или четверо бандитов, роняя оружие и заваливаясь по инерции вперед, рухнули на землю.

Стольников хорошо расслышал раздирающие душу крики на чеченском.

– Я в тысяче правее! Как понял, Восьмой?

– Хорошо понял! – отозвался Пушкив. – Третий, ты в трех километрах севернее Ведено!

До точки высадки – тысяча! Как понял?!

– Понял!

– Уходи оттуда вниз, «зеленка» укроет! Но через километр – выход в чистое поле! Все ясно?

– Ясно! – поморщившись, крикнул Стольников.

Он уже собирался отключить связь, как вдруг услышал:

– Не укроет тебя «зеленка», Тиретий... Шкуры с вас спускать будем, Тиретий...

Стольников опешил. Разговор велся через дешифратор связи, а это означало, что кто-то имел доступ к кодам и знал частоту, на которой работали капитан и начальник разведки.

– Это кто некультурно в разговор вмешивается? – закрываясь рукой от падающих на него веток, заинтересовался Стольников.

– Твой старый знакомый, Сашья...

– Магомед, ты, что ли?

– Узнал, дарагой...

Капитан вместе со связистом и рацией сползал вниз. Его люди, неторопливо спускаясь, методично обстреливали мечущиеся в пламени горящего вертолета тени.

– Конец тебе, Сашья... – напомнил о себе Алхоев. – Не придет к тебе помощь... Пушкив «крокодилы» направит – у меня на всех ракеты найдутся... И артиллерия не поможет, Сашья... По своим стрелять нехорошо, да, Пушкив?..

Стольников осмотрелся. Пора было заканчивать этот разговор. Чехи приблизились на расстояние выстрела от бедра. Еще пара минут, и пора будет вынимать нож из ножен.

– А если я огонь на себя вызову, Магомед, дурилка? – хохотнул он. – Ты же меня знаешь, Магомед...

Подняв голову вновь, он махнул своим по направлению к подножию холма, туда, где начинала редеть «зеленка».

– До встречи в аду, Сашья?..

– Я забью тебе самый грязный котел, Магомед, – пообещал Стольников.

– Нехороший ты человек, капитан... Или тебя снова повисили до старший лейтенант?..

– Ты русский выучи, Алхоев! Могу предложить хорошего репетитора. Тарасенко!..

Скажи дяде по-русски «до свидания»!..

Боец, на мгновение остановившись, ударил огнеметной струей. Огненный плевок, прогудев, охватил пламенем несколько деревьев и двух боевиков. Крича и полыхая, как факелы, они заметались среди своих, наводя панику и отвлекая внимание.

Сотников с радистом поспешили вниз, к своим. Уже почти покинув «зеленку», капитан остановился, выхватил из жилета гранату, выдернул кольцо и швырнул наугад, стараясь лишь, чтобы рифленый кусок чугуна летел над кронами приземистых деревьев.

– Передай Восьмому, пусть перейдет на запасную частоту! – велел капитан радисту. Хотя понимал прекрасно, что, если в радиоузле бригады сидит человек Алхоева, ему ничего не стоит сделать то же.

«Вах», – сказал снайпер Алхоева, когда в полуметре от камня, который служил ему укрытием, разорвалась граната. Схватился за уши, оставив винтовку, и откатился в сторону. Все, что он сейчас чувствовал, – это запах мгновенно сгоревшего от взрыва порохового заряда, белый огонь в глазах и чудовищную боль в перепонках. Уши снайпера ломило, он кричал от боли, напрягая голосовые связки, но не слышал собственного голоса. От него качнулись в стороны метнувшиеся из зоны поражения боевики, словно та же граната могла разорваться еще раз.

Это больно. Очень больно. Это так больно, что хочется на время умереть. Шестисотграммовая «Ф-1» разлетелась на осколки, не задев ни одним из них снайпера. Но грохот, который раздался в полуметре от головы, потряс сознание.

«Больно! – кричал он. – Как больно!..» Барабанные перепонки разорваны, он уже не воин Аллаха. Он просто человек, требующий немедленной медицинской помощи. Но кто окажет ее сейчас, когда разница между жизнью и смертью не так велика и каждый это знает?..

Но по иронии судьбы из медработников здесь был лишь санинструктор Ермолович, который был занят тем, что перетягивал рану рядовому Маслову, роющему в агонии яму ногами. Маслов, стиснув зубы и моргая от заливающего глаза едкого пота, смотрел на торчащую из его левого плеча острую, как наконечник стрелы, и белую, как молоко, кость. Разведчик видел пулевое ранение, разворотившее руку, и видел внутри кости костный мозг. Свой костный мозг... Еще одна пуля пробила грудь, но Маслов не чувствовал этого...

– Черт! – вскричал Ермолович, выхватывая из кармана шприц с промедолом. – Маслов – «трехсотый»!..

Двое – Баскаков и Ключников – бросились к нему и, как только Ермолович вынул иглу из бедра товарища, подхватили раненого на руки. Могучий Ключников взвалил друга на плечо и, косолапя и спотыкаясь, помчался вниз. Следом, закрывая их и двигаясь спиной вперед, поливая «зеленку» длинными очередями и сдержанно ругаясь, торопился Баскаков.

– Командир, Маслов тяжелый!..

– Спускайтесь, мы их тормознем!.. – пообещал Стольников.

Дело осложнялось. С тяжелораненым Масловым группа теряла мобильность и представляла удобный объект для окружения. Хотя разве хоть один выход Стольникова заканчивался без подобных потерь? Каждый раз группа уходила, оказавшись в западне, с ранеными...

Это был бой. Без компромиссов, не учебный, где всегда можно отойти в сторону и отдышаться. Около ста человек против одиннадцати. Теперь уже – против десяти. В Чечне не бывает учебных боев. Бывает крайний и – последний.

Десять, обороняющиеся от сотни. Военная тактика дает расклад, подтвержденный десятками войн и конфликтов. Одно отделение, занимающее позиции, способно удержать взвод. Один взвод способен держаться, отбиваясь от роты. Рота – от батальона. Батальон – от полка. Простая арифметическая выкладка. Ты способен атаковать и победить, если втрое сильнее. Существует еще множество факторов, именуемых «техническим оснащением сторон» и «человеческим фактором». Но эта перестрелка не вписывалась в привычную схему общевойскового боя. Группа Стольникова не оборонялась на позиции. Она отходила. А при этом принцип «один к трем» рушился. Да и не об одном к трем приходилось говорить, а об одном к

десяти. Это было запланированное убийство разведывательного отделения. И его гибель – лишь вопрос времени...

Перед Стольниковым спускались, тесня бойцов к подножию, на открытое место, те, кто был на площади Минутка в девяносто пятом, кто брал Грозный, кто заходил и вырезал все живое в Карамахах в девяносто девятом. Вполне возможно, кто-то из окружавших сейчас группу Стольникова в банде Тракториста отрезал головы «срочникам». И кто знает, не встречались ли сейчас те, кто уже пяток раз пытался убить друг друга?

«Аллах акбар!..» – раздался крик, и в сторону разведчиков ударило несколько десятков автоматов и пулеметов.

«Аллах акбар!» – вновь заорал кто-то, и прапорщик Жулин проводил глазами гранату, вылетевшую из-за дерева и упавшую за его спиной.

Она разорвалась, потревожив одним из осколков вещмешок на спине. Шурша, патроны посыпались на землю.

«Ну, хоть так...» – успел подумать Жулин, облизывая сухие губы... Смерть плюнула ему в спину, но прошла мимо. Чуть задела вонючим от прокисшей крови плащом, ударила по локтю черенком косы, но прошла...

Веснушчатый Айдаров, мусульманин и молчун, рухнул на землю после пущенной в него очереди и перекатился за камень. Два года Аллах спасал его от смерти, уберег и сейчас. Вскинув винтовку, он заглянул в прицел и увидел то, что искал. Прямо ему в лицо смотрел сквозь оптику ночного прицела снайпер из банды Алхоева...

Привычно задержав дыхание, Рустам мягко нажал на спусковой крючок. Как в тире. Как в Грозном. Как во время отбоя при обстреле колонны под Толстой-Юртом...

Покрытый сантиметровой щетиной боевик взял на прицел русоволосого татарина с винтовкой... палец поехал назад, выжимая спусковой крючок... И в лицо ударила густая, горячая лава.

«Вах...» – бескровными губами промолвил боевик. Лава только что вылетела из разможенного пулей черепа его товарища-снайпера, вырвав кусок с ладонь размером, и выбросила в сторону мозга. Мозги на лице, мозги на рукаве, мозги даже на мушке и прицеле автомата. Как стрелять? От плеча, не целясь... И длинная очередь, пройдясь многоточием по стволам деревьев, срубила одного из разведки неверных, прошив ему ногу.

Крики из десятков мест. Только по ним можно догадываться, сколько человек участвует в этой мясорубке и где они находятся...

– Командир, Лоскутова зацепило!..

– Сильно?

– В ногу и руку! Поцарапало, но матерится, как тяжелый!..

– Раз матерится, значит, легкий!..

– Командир!.. – подбежавший к Стольникову радист протянул капитану наушник.

– Кто? – стиснув зубы и очередью ломая пополам одного из людей Алхоева, прорычал Стольников.

– Алхоев!..

– Пусть перезвонит!.. Я занят малость!..

Боец прижал наушник к голове:

– Командир говорит, чтобы ты целовал овечий зад, извини! – И он снова протянул наушник капитану: – Говорит: срочно!

Стольников схватил наушник.

– Ну что тебе, Магомед? Нашел время!..

– Сашья, сдаваться пора, Сашья...

– Согласен. Оружие на землю и выходите с поднятыми руками.

Алхоев разразился глухим, хриплым смехом.

– Сашья, Сашья... Ты все такой же весельчак!..

Трассеры, ударяясь о камни, уходили в темное небо яркими, тонкими и безупречно ровными молниями. После их ухода в глазах еще некоторое время оставался мутный светлый след. Боевики бросали гранаты, взрывы ухали с перерывами в несколько секунд, и Стольников с опаской посматривал вниз. Он уже и не знал наверное, что лучше – биться здесь, в лесу, имея хоть хрупкую, но линию обороны, или же выйти на открытое место, вытянув за собой боевиков, чтобы залечь подковой и ждать, что предпримет Пушкив. А в том, что подполковник уже что-то предпринимает, Стольников не сомневался...

– Сашья, зачем людей губишь? Скажи своим, пусть опустят автоматы. Мне ты нужен, а их я домой отпущу, Аллахом клянусь.

– Скажи честно, Магомед, – тянул капитан, рассчитывая время выхода к подножию холма. – За что ты меня так не любишь? За братца своего от замороженного или за тех твоих тридцать баранов, которые мой взвод под Самашками врукопашную одолеть решили?

– Зачем мне о воинах своих скорбить, Сашья?.. Их Аллах принял, им теперь хорошо. Они смерть достойную приняли, от ножей неверных, чистыми в небо ушли... Ты за брата моего ответить должен.

Ключников с Масловым на плече и прикрывавший его Баскаков уже расставались с холмом. До покрытой голубой сединой равнины им оставалось сделать несколько шагов. Между ними и Стольниковым с радистом, шедшими последними, было не более восьмидесяти метров.

– Чистыми, говоришь? А ты в курсе, что мы ножи салом смазываем? Со свининой в трухе твои выродки пред Аллахом предстали, Магомед! А брат твой, тоже выродок, сидеть ему, суке, не пересидеть! «Черный лебедь» – самая лучшая гостиница для твоего тейпа, Алхоев!.. Засим пока, до связи!..

– Ш-шакал!.. Ты и собаки твои висеть в этом лесу будут вниз головой! Я с вас лично шкуру снимать буду, с ног начиная!..

– Ты только обещаешь, – усмехнулся Стольников и бросил наушник бойцу: – Уходим, парень!..

* * *

Это случилось два года назад, во Владикавказе, откуда поправившийся после ранения Стольников собирался выехать в расположение своей бригады в Грозном. Как раз туда возвращался взвод роты материального обеспечения, в качестве караула доставивший во Владикавказ пришедшее в негодность оружие, и Стольников решил доехать со своими, не ломая голову над проблемами трансфера. Но взвод отправлялся в бригаду только через три дня, и нужно было ждать. Впрочем, Саша находил в этом положительный момент. Связавшись с Пушкивым, он объяснил ситуацию, получил разрешение прибыть позже и тут же отправился к той, с кем познакомился в госпитале.

Медсестра Таня была девушкой покладистой, и двое суток ожидания превратились бы для Стольникова в сказку, если бы не брат Тани, бизнесмен. Саша два месяца ухаживал за нею, как может ухаживать раненый разведчик, живя надеждой на скорую любовь, но каждый раз, когда сказка должна была стать явью, брат девушки, Володя, попадал в неприятности, и Таня от этого теряла ощущение романтики.

Во Владикавказе Володя имел птицефабрику, а в качестве приложения к ней – чеченскую «крышу». «Крыша» должна была защищать бизнес Володи от посягательств на него других «крыш». А поскольку все «крыши» во Владикавказе были чеченскими, то на бизнес Володи покушались исключительно чеченцы. И когда они покушались, на птицефабрику приезжала чеченская «крыша» и после долгих разговоров на чеченском языке Володе сообщала решение на русском – платить нужно, потому что требуют справедливо.

Таким образом, у Володи не было никакой «крыши», и не платил он только тем чеченцам, которые не приходили и не требовали. «Крыш» во Владикавказе было много, а птицефабрика одна. От этого противоречия Таня часто плакала в самые неподходящие мгновения – то на ночном дежурстве, то дома, где Стольников иногда появлялся в качестве гостя.

И вот наконец сбегать было не нужно, и Саша поздним вечером пришел к Тане. Но девушка сидела в слезах и говорила, что к брату снова приходили и сказали, чтобы завтра утром он подготовил деньги. А у Володи денег уже нет.

– А почему бы Володе не пойти в милицию?

И Таня сообщила, что во владикавказской милиции тоже работают чеченцы, и вся надежда только на УБОП, в который Володя обращаться боится, ибо жизнь у него, как и птицефабрика, одна, а «крыш» много, и не все ли равно ему потом будет, кто этими «крышами» будет заниматься. Слушая этот бред и понимая, что и сегодня ему не отдадутся, Стольников разозлился и сказал:

– Завтра я перекрою «крышу» на птицефабрике твоего нерешительного брата.

– Правда? – спросила легкомысленная Таня, и по ее счастливой улыбке Стольников догадался, что сделать это нужно было раньше.

На следующее утро он уже сидел в кабинете брата Тани. В одном углу на полу разместился перепуганный директор, Володя, в другом – избитый и чувствующий себя прескверно человек из чеченской «крыши». Все вместе они ждали «крышу». Пять минут назад Стольников сунул в безвольную руку посланца телефонную трубку и велел пригласить старшего.

И теперь все ждали старшего.

– Что за проблема у Володи? – спросил, не отрывая глаз от дороги, водитель джипа. В принадлежности его крови к горскому роду ошибиться было невозможно, точно так же как и его спутника.

Этот кавказец лет тридцати, как и водитель, был одет в удлиненную куртку, фасон которой вошел в моду вместе с выходом на экраны фильма «Карты, деньги, два ствола». Мода минула, но ни у одной из групп людей она не задерживается так долго, как у горцев, числящих себя под знаменами криминала. Они последними сняли малиновые пиджаки, последними перестали носить вышедшие из моды у серьезных людей спортивные костюмы и теперь задержались с модой английского кроя.

– Какие-то шакалы приехали, избили Мусу и сейчас требуют, чтобы ты приехал.

– Русские?

– Не знаю.

– Сейчас узнаем.

Водитель прижал локоть к торсу, убедился, что оружие при нем, и важно качнул головой. Спесь нужно напускать еще в дороге, чтобы из машины выйти уже с грозным угрюмым видом. Морда лица во взаимоотношениях владикавказской братвы – дело первое и почти основное.

Оба были убеждены в том, что это не их знакомые, не люди Руслана Алхоева. Не чеченцы, короче. Муса ясно сказал: «Чужие». Ведь ему достаточно было сказать «Я от Руслана», и директор сразу предложил бы ему кофе. Но кофе пьют только риелторы, брокеры и директора птицефабрик. Настоящие мужчины пьют чай. Но откуда этому русскому шакалу знать об этом?

– Это что за тачанка? – у самого себя спросил водитель, разглядев у стеклянного входа птицефабрики белую «шестерку».

– А, это сестры его. Все времени нет к ней в гости заехать. Телка красивая, клянусь.

– Шакалы! – окончательно догадавшись, что дорогу ему перекрыли русские, взревел пассажир. – Совсем страх потеряли! Сто долларов ставлю, Малик, – это «гастролеры» из Москвы!.. – слово «гастролеры» он четко выговорить не смог, поэтому после второй неудачной попытки заменил его понятием «приезжие». – Пытаются и здесь все прибрать!

Спешившись, они обошли «шестерку», демонстрируя всем за стенами здания, что никуда не торопятся. Потом такой же неспешной походкой поднялись в офис.

Помеха страсти Стольниково директор Володя сидел на полу и являл собой жалкое зрелище, когда чеченцы, отворив ногами дверь в приемную, зашли в кабинет. В углу еще в более плачевном состоянии замер несчастный Муса.

Глядя перед собой, кавказцы прошли до центра необъятного кабинета и только после этого стали осматриваться. Перепутать эти хозяйские движения внутри *своей* собственности было так же трудно, как и понять спокойствие развалившегося в кресле светловолосого высокого незнакомца.

– Это кто? – спросил Рустам Алхоев, тыча в сторону Стольниково ключом от джипа. Среди всех неприятных чеченцев он пользовался авторитетом самого неприятного, потому что, люди поговаривали, с братом его безуспешно воюют федеральные войска под Грозным.

– Скажи ему, что я по делам, – облегчил Володе задачу Саша.

– Он по делам, – машинально повторил директор.

– Спроси эту животную, – снова показал ключом на Стольниково Рустам Алхоев, – знает ли он, в чей дом зашел? Или он хочет разговора с другими нюансами?

Стольниково расхохотался.

– Чурка ты раздолбанная!..

Договорить он не успел, двое одновременно выхватили оружие.

Вскочив с кресла, Саша ногой ударил в голову спутнику Рустама, а самому Рустаму засадил кулаком в живот.

«ТТ» Алхоева улетел в угол, где сидел Володя, а над ним, в рамке, улыбался Путин. Малик оказался более цепким, выбить оружие из его руки сразу не получилось, поэтому Стольниково, не мудрствуя, с размаху опустил кулак ему за ухо, а вторым кулаком нашел чеченский подбородок. Клацнув челюстью, Малик упал, потеряв сознание.

Подняв «ТТ», капитан подошел к Алхоеву, подогнул колени и рухнул ими на спину чеченцу. Тот шумно хрюкнул и стал хватать пересохшими губами воздух.

Этот русский и те, кого он представлял, были настоящими шакалами и идиотами. Они не поняли главного. Люди из Чечни прибывали сюда в течение последних пяти лет. Каждому вновь прибывшему уже были готовы место, должность, деньги и власть. Всяк встающий на пути падал ниц или навсегда исчезал. Где теперь эти Димы Большие, Паши Северянины и Гоги Каберидзе? Их нет. Они уехали. Кто в страну Вечной Ночи, кто просто за границу. И уже никто не в силах исправить вновь установленный порядок. А этот русский – конченный человек. Он покойник. Он не понимает, кому перешел дорогу и у кого на спине сидит. Очередной неверный, занявший место на кладбище. Хотя нет, не занявший. Эти русские постоянно норовят попасть туда вне очереди.

– А теперь я тебе объясню, что такое «нюанс», – услышал Рустам Алхоев, родной брат Магомеда Алхоева. Он смотрел, как русский взвесил на руке «ТТ» и рукавом вытер ствол. Ненависть душила Алхоева, у него перед глазами плыли картины мести, и каждая последующая была страшнее предыдущей.

А Стольниково между тем рывком схватил его за пояс, придавил ногой поясницу и одним движением разорвал ремень. Такого унижения Алхоев-младший никогда не испытывал.

– Словарь русского языка трактует слово «нюанс» как «тонкое, едва уловимое различие в чем-нибудь», – говорил, сидя на нем, командир взвода разведки оперативной бригады особого назначения. – Но ты не знаешь, что такое «трактует», а потому я объясню тебе проще...

– Ты что делаешь, покойник?! – взревел Рустам Алхоев, чувствуя, что его освобожденные от брючного ремня брюки соскочили до колен.

Повернув голову, он заметил, как русский взмахнул его «ТТ», и в следующее мгновение перед глазами брата главаря незаконного вооруженного формирования вспыхнул фейерверк

разноцветных огней. Рустам дико закричал, а директор Володя, округлив глаза, смотрел на нижнюю часть туловища своей «крыши». Так с его «крышей» еще никто не поступал.

Между тем Стольников поднялся на ноги, отряхнул колени и, не обращая внимания на изумление пришедшего в сознание Малика, склонился над звонко кричащим Алхоевым.

– У тебя пистолет в заднице, – сказал Стольников, – и у меня пистолет тоже в заднице. Вот эта большая разница и называется нюансом. Если подозреваешь, что я нарушил твои конституционные права, имеешь право обжаловать мои действия в районной прокуратуре. А я пока позвоню в УБОП.

Через четверть часа СОБР антимафиозного ведомства упаковывал «крышу» Володи, и по всему чувствовалось, что УБОП этой нечаянной встрече жутко рад и у него есть масса вопросов к задержанным.

Этой ночью Стольников испытал глубокое удовлетворение от содеянного. Свобода, которую получил ее брат, сотворила с Таней чудеса.

И эту короткую сказочную связь, и свое знакомство с братом Магомеда Алхоева Стольников хотел бы сохранить в тайне, но слава, как известно, бежит впереди лошади воина. Еще неизвестно, кто вперед узнал о нецелевом использовании «ТТ» – комбриг или Алхоев. Как бы то ни было, но, куда бы ни отправлялся Стольников на задание, он имел дело только с Алхоевым. За редким исключением разве что...

3

На этом участке уже нечем было дышать. И сейчас, кашляя от раздражающей горло едкой пыли, сырого и хорошо прожаренного мяса, пороховых газов и раскаленного железа, разведчики с отчаянием разглядывали встречающую их равнину. То и дело раздавался переходящий в шипение гул, и тогда лес озарялся длинной огненной струей: Тарасенко методично поливал боевиков из огнемета.

Это была смерть. Сейчас Стольников отдаст приказ добраться до лошины и закрепиться в овраге. До рассвета будет жизнь. А потом – смерть. Если не поможет Пушкив. Хотя все понимали – ничем он не поможет. Авиацией? Так своих накроет. Или Стольникову отдать приказ накрыть свою позицию артиллерией?

Но тогда уж лучше подраться... Пусть лучше чехи всех положат, чем – свои...

– Алла!.. – кто-то гортанно закричал за спиной разведчиков, и Стольников услышал «свой» выстрел.

Как это странно... среди сотен выстрелов слышать «свой». Но его всегда слышишь. И знаешь: этот – твой. Твой, который пройдет мимо. Который тебя достанет неслышим, он поражает молча.

Пуля прошла под мышкой Стольникова, между левой рукой и туловищем. Она надорвала ткань «разгрузки», оцарапала и обожгла кожу.

– Черт!.. – вырвалось у капитана, он, споткнувшись, последние метры спуска преодолел кубарем.

– Командир?! – сообразил Ермолович.

– Порядок! – отозвался, поднимаясь и трясая головой, капитан. – Выносите Маслова! Все – к ущелью! Все видят яблоневый сад?

– Есть яблоневый сад! – отозвался кто-то.

– Да там не ущелье, а овраг! – добавил прапорщик Жулин.

– Хоть овраг, хоть ущелье – туда! – прорычал Стольников. – Занять оборону! По двое – вперед!..

И тут же радист, единственный из группы в «сфере», упал, обняв дерево, как женщину.

– Заберите его и радиостанцию! – приказал Стольников, давая знак Тарасенко, чтобы тот следовал за ним на высоту, навстречу чехам. – Уходите все в лошину, я их тормозну!..

Он оглянулся, провожая отделение тревожным взглядом. Только бы вышли. Только бы все. А сам он выйдет. Обязательно выйдет. Вместе с Тарасенко. Только так.

Боевик шестьдесятю метрами выше удовлетворенно качнул головой. Его выстрел превзошел ожидания: пуля из СВД хоть и не пробила «сферу» разведчика, но голова дернулась так, что можно надеяться на вывих позвонков. Аллах акбар. Одним неверным на земле меньше. Ему заплатят компенсацию за утрату здоровья – сто долларов под роспись в их грязной ведомости. Столько же в девяносто девятом заплатили бы воину Аллаху за его смерть. Сколько тогда заработал он, Омар? Две тысячи двести долларов, кажется. Но в штабе Хоттаба тогда ошиблись и выдали половину фальшивыми. Это не вина Хоттаба – сводного брата Магомеда. Хоттаб никогда бы не обманул. Просто так получилось.

«Я тоже уйду к всевышнему», – вдруг подумал Омар, с удивлением посмотрев на то место на груди, куда только что, выбив из его рук винтовку, ударились пуля. Из кармана, где лежали паспорт и водительское удостоверение, кровь не лилась. Она расползлась по черной майке блестящим пятном.

О, нет предела благодарности тебе, великий и могущественный Аллах... Ты позволил умереть с кровью на теле. Воин должен умирать, видя свою кровь. Рай господень, кущи небесные, блаженство вечное, Тобой дарованное...

И тут же пуля из автомата Стольниково раскроила ему череп.

Уже овладела чехами уверенность, что дело идет к завершению. Уже не было никаких сомнений. Разведчики сгруппировались и скоро появятся на равнине. Вот тогда все и закончится. И давно бы чехи бросились вперед, чтобы застать русских еще до лощины, на открытом месте они были как зайцы на траве! – но кто-то засел на самом подножии холма и стрелял как заводной. Превосходство в количестве теряется, когда по тебе безостановочно лупит огнем хотя бы один человек, достать которого выстрелами из-за камней невозможно.

Здесь командует опытный командир. Магомед его знает и ненавидит. Этот «капитан», как называет его Магомед, хитрая лиса. Он смог увести своих от пылающего вертолета, а сейчас уходит по равнине! Он и засел в камнях, это он сдерживает воинов Аллаха!.. Его хорошо видно в прицел, но он лис хитрый – выскочит, посмотрит и снова в укрытие. И – бесконечный огонь...

Два раза воин Алу брал его в прицел и дважды ругался, когда лис оказывался хитрее охотника.

Они уходят. Пора давить, пора! Уже дважды Магомед давал приказ выдавить русских из леса, но как можно давить, если двое не дают поднять головы сотне?

– Уничтожьте этих тварей! – взревел Магомед. – Тысяча долларов тому, кто вышибет мозги у этих двоих, и десять тысяч – кто приведет ко мне командира разведчиков!.. – Он не знал, что один из тех двоих Стольников. Тот, за пленение которого он заплатил бы вдесятеро больше. Но в голову Алхоеву не пришла мысль, что это капитан остался прикрывать своих. Давно такого не видел Магомед, с девяносто пятого. Это там командиры в герои играли...

Алу трижды отползал, дважды вскакивал и перебежал. Десять тысяч – деньги немислимые!

Он вскочил, пробежал еще метров сто, затаился за деревом и увидел Шамиля. Ему тоже нужны десять тысяч! Нет, Алу будет первым!.. И вдруг он почувствовал, что опасность миновала и он будет жить. Алу засмеялся. Пусть умирают Шамиль с Мусой! Пусть все они умрут! Он придет к братьям и скажет: «Это был настоящий ад. Наши братья умирали у меня на глазах. Неверные наваливались десятками, они стреляли в нас, забрасывали гранатами. Рядом со мной разорвалась одна – Аллах всемогущ! – он отвел руками осколки, но ему не хватило рук отвести волну. Она накрыла меня и завалила пылью... Я пришел в себя, когда бой был закончен. Мы бились до конца, до последнего патрона. Меня не заметили, и я пролежал до вечера. Аллах уберег меня во второй раз. Он хотел, чтобы я остался жить и рассказал вам о смерти его воинов. И у меня есть тысяча долларов».

Он скажет так. Алу будет героем. Его отвезут подлечиться в Турцию или Грузию. О нем будут слагать песни. Да, Аллах не хочет его смерти.

Отвалившись от дерева, Алу развернулся и захлебнулся собственным влажным дыханием. Прямо перед ним стоял высокий светловолосый русский с лицом, измазанным зеленой краской. По щекам русского струился пот, этот русский выглядел усталым, очень усталым. Но взгляд был настолько силен и неприятен, что Алу стало страшно. И вдруг он почувствовал, что снизу, начиная с колен, к его сердцу поднимается горячая, густая волна...

Алу опустил взгляд и тут же ощутил боль, которую не чувствовал еще несколько секунд назад. Эта боль перехватила судорогой челюсти, сковала мозг. А Алу стоял и смотрел на руку русского, в кулаке которого была зажата рукоятка ножа. И рукоятка эта была уперта во впалый живот Алу до упора...

– Я знаю, – прошептал русский ему на ухо, – ты мирный житель. У тебя пятеро детей, и ты никогда не брал в руки оружие. Прости за мою ошибку. – И русский одним движением вспорол Алу живот до грудины.

Шамиль сжимал в руках автомат и двигался от дерева к дереву. Ему нужно успеть вперед Алу. Тысяча долларов. На эти деньги он купит много героина. Можно жить и убивать русских солдат месяц. Уже давно подсчитал он: тысяча долларов – это месяц войны.

Он остановился как вкопанный, прижавшись плечом к дереву. Почему Алу стоит, словно его тошнит, и качается?

Треск автоматных очередей и гудящие плевки огнемёта слились в одно – непрерывный, оглушительный шум.

– Алу! – позвал Шамиль. – Алу!..

Тот развернулся, и Шамиль увидел, как из Алу, дрожа и переваливаясь, вываливаются, падая к ногам, кишки... Где-то рядом, шагах в двадцати, разорвалась граната, но остывший от страха и отвращения Шамиль даже не шелохнулся.

И в этот момент перед ним появился русский. Широкоплечий, с широкими скулами и раскосыми глазами парень с ранцем за спиной и странной трубой в руках.

– Я болен, не убивай меня, – сказал Шамиль, вспомнив, отчего в Аргунском ущелье отошел к Аллаху брат Резван, – у меня лейкемия...

– Тебе повезло, – оживился спец, и скулы его пришли в движение. – Я как раз по части онкологии.

Повалив окоченевшего от ужаса Шамиля ударом ноги в грудь, разведчик стал спиной вперед быстро спускаться вниз. Десять шагов, пятнадцать... двадцать...

Шамиль пришел в себя и стал искать рукой упавшее на землю оружие. И в этот момент на него понесся огненный шар... Струя из огнемёта сожгла его сердце, мозг и легкие. Выжженный изнутри, полыхающий пламенем, Шамиль упал на землю, и огонь с него тут же перекинулся на сухое дерево...

– Тарасенко! – кричал, стараясь заглушить грохот перестрелки Стольников. – Палить опушку леса! Палить деревья!..

Задержавшись на несколько мгновений, Тарасенко облил огнем лес справа и слева от себя. Деревья, как и в лесу, на холме, вспыхивали и занимались, как костры. Стольников поднял голову. В двухстах метрах выше до сих пор активно горел, клубясь и покрывая гарью пространство вокруг себя, вертолет. А ниже, куда не опускался взгляд капитана, горели с треском, освещая холм гигантскими факелами, деревья... Опушка леса пылала густо, как в чреве домны.

– Уходим! – приказал Стольников.

Убедившись, что Тарасенко следует за ним, Саша побежал к ущелью, где уже расположились для обороны его люди. Занявшие оборону на краю оврага, они ждали возвращения командира. Трое или четверо уже помогали командиру огнем, стреляя по подножию холма, где огонь шумно и жадно облизывал край леса.

На мгновение задержавшись, Тарасенко развернулся и выпустил еще две струи. Среди треска очередей в месиве огня раздался дикий человеческий крик.

Не чувствуя за спиной подчиненного, Стольников резко развернулся и присел, чтобы прикрыть бойца очередью. И в эту секунду он стал свидетелем события, потрясшего его и заставившего сесть... Одна из пущенных из леса трассирующих пуль ударила в ранец огнемёта, пробив его и самого разведчика. Стольников словно при замедленном воспроизведении видел, как пуля вышла из груди Тарасенко... Как изо рта одного из лучших его бойцов появилась и вылетела далеко вперед кровь... Как вслед за пулей из груди солдата стала пробиваться тонкая струйка огня... Как она увеличивалась в размерах – Стольников видел... как пожирала она Тарасенко и как боец упал на колени, словно пронзенный огненным копьем... Стольников видел это... И как наконец разорвалась в ранце смесь, уничтожая Тарасенко...

Ослепленный Стольников упал на спину и почувствовал невероятной силы жар...

– Командир, быстрее сюда!..

Но капитан не мог встать. Он смотрел на то место, где только что стоял Тарасенко, а теперь ничего не было.

«Что же я в Ярославль повезу?..» – мелькнула дикая мысль в голове Стольникова.

– Прикройте!.. – проорал Жулин и, слушая грохот автоматов разведчиков, бросился вслед за Баскаковым к капитану.

Прикрываемые огнем, они схватили Стольников под мышки и рухнули вниз, держа его на руках...

Наступал рассвет девятнадцатого мая двухтысячного года.

4

Он понимал, что это ерунда, а не ущелье. В нем нельзя ни затеряться, ни запутать следы. Он видел огромный овраг глубиной метров тридцать даже в самой низкой его точке. Но движение предполагало группе жизнь, а ожидание на краю ущелья означало смерть. Сколько они могут продержаться в обороне? Дадут с холма пару десятков выстрелов из минометов – вот и закончится вся оборона... И придется все-таки уходить вниз по ущелью, но тогда будет уже поздно. Боевики обойдут ущелье флангами и начнут поливать огнем с двух сторон. У тех, кто выше, всегда преимущество. Да и не спрячешься в ущелье – рассвет наступает. Перебьют, как в тире... Как скотину в яме.

«Хорошо, не зима, – промелькнула нелепая мысль в голове Стольникова, – наследили бы как стадо».

Он шел последним, и перед ним стояла картина – Тарасенко превращается в огромный огненный шар.

Через пять минут люди Алхоева достигнут границы ущелья. Еще через минуту он сообразит отдать приказ своим людям разделиться на три группы и первой последовать в ущелье. Две другие пойдут параллельным маршрутом, но по высоте. Нужно успеть. Куда именно – Стольников не знал. Это был район Ведено, где он не был ни разу. На карте значился овраг, но карта составлялась давно. Со временем овраг благодаря подземным водам подмыло, и он стал оседать. Странное дело – в ущелье растут яблоки. Обычно эти деревья требуют света. Яблоки, твердые как камень, били ему по лицу, когда он не успевал убрать ветку рукой...

Между тем небо справа и слева исчезло, вместо него теперь были видны изрытые временем и похожие на шоколадный щербет с камнями вместо орехов стены ущелья. Стольников обратил внимание, что выстрелы смолкли. Алхоев осуществляет перегруппировку. Есть, есть еще время...

Но куда выведет это ущелье? Вон и конец его виден – черной стеной пятиэтажного дома встает перед разведгруппой. Но ущелья не бывают как ямы, вырытые экскаватором. У них подъемы такие же пологие, как и спуски. Зайдя в ущелье, нельзя натолкнуться на стену.

– Пора подниматься, командир... – прохрипел Жулин. – Здесь нам крышка.

– Товарищ капитан! – где-то далеко впереди себя услышал Стольников голос Крикунова. – Пещера!

Продравшись сквозь хворост, которым было переплетено дно ущелья, Стольников приблизился. Действительно, прямо перед ним, темнея и дыша сыростью, виднелся вход.

– Даже не думай об этом, командир! – догадавшись о намерениях Стольникова, заявил Жулин.

Выдернув из чехла на бедре фонарь, Стольников пробежался его лучом у входа. Он искал следы. Недавние, старые, человеческие, любые – их не было.

– Зайдем туда – нам конец, Саша, – зловеще сказал Жулин.

Штурман вертолета, кашлянув, закинул тяжелый пулемет за спину.

– Я посмотрю.

– Не надо смотреть, надо подниматься! – запротестовал Жулин.

– Помолчи, – отрезал Стольников, кивая мимоходом летуну. – Разве я не сказал, что на выходе нас ждут?

– Нет, ты не сказал! Ты сказал – вперед, к ущелью!

– Я забыл. Баскаков – в пару с товарищем старшим лейтенантом!

Баскаков, повторять которому дважды еще ни разу не приходилось, скрылся в могильной темноте вслед за штурманом.

– Олег, тебе сейчас будет отдельная задача, – миролюбиво заметил Саша и отвел Жулина за руку в сторону от бойцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.